

На правах рукописи

ДОНСКОЙ ГЛЕБ ГЕНРИХОВИЧ

**ПЕРЕХОД В «ИНОЙ МИР» В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ (XIV – XVI вв.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре истории России до начала XIX в. исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

- Научный руководитель:** кандидат исторических наук, доцент
Лаушкин Алексей Владимирович
- Официальные оппоненты:** доктор исторических наук, профессор
Черная Людмила Алексеевна
(Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова)
- кандидат исторических наук
Романенко Елена Владимировна
(Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»)
- Ведущая организация:** Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

Защита состоится «24» апреля 2012 г. в 17:00 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.72 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Исторический факультет МГУ, ауд. А-419.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, Научная библиотека МГУ.

Автореферат разослан «__» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Г.Р. Наумова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Интерес исследователей культуры средневековой Руси в настоящее время всё чаще обращается к человеку той эпохи, его внутреннему миру, религиозности. Существенной особенностью древнерусской культуры является её традиционность. Влияние традиции сказывалось и в повседневном поведении людей. Одной из важнейших жизненных ситуаций, когда человек следовал стереотипу поведения, являлась подготовка к переходу в «иной мир».

Проблема смерти всегда была одной из самых актуальных для человека вне зависимости от времени и географического пространства. Ю.М. Лотман справедливо заметил: «Каждая эпоха имеет два лица: лицо жизни и лицо смерти. Они смотрятся друг в друга и отражаются одно в другом. Не поняв одного, мы не поймем и другого»¹. Восприятие смерти не раз служило для исследователей средством уяснить представления о сути бытия, характерные для того или иного общества. В этом ключе актуально исследование традиционной модели перехода в «иной мир». Изучение поведения древнерусского человека перед смертью может пролить свет на мировоззренческие ценности, господствующие в обществе, углубить понимание культурной реальности эпохи. Тема смерти не нова для исследователей древнерусского средневековья. Например, в археологии и этнографии вопросы, связанные со смертью, (погребальный обряд, мемориальные сооружения, траурные обряды и др.), составляют отдельные исследовательские направления. Однако невозможно разобраться в том, как человек средневековой Руси воспринимал конец жизненного пути, без широкого привлечения письменных источников, отражающих идейную среду того времени.

¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). М., 1994. С. 194.

В Древней Руси существовала модель «хорошей смерти»: человек обычно надеялся на преставление в кругу родных и близких после определённой системы подготовительных действий. Изучая источники средневековой Руси, можно обнаружить и другие модели перехода в «иной мир» (мученическая кончина, коварное убийство, смерть в бою, случайная смерть, самоубийство и др.). Однако все они являются вариациями насильственной или случайной смерти и не могут рассматриваться в качестве доминантных для сознания людей изучаемой культурной среды. Поэтому изучение модели «хорошей смерти» представляется особенно важным.

Степень разработанности темы. Тема перехода в «иной мир» наиболее широко представлена в исследованиях по истории западной Европы. В 1970-е гг. в европейской науке формируются основные концепции восприятия смерти людьми различных эпох. Первая концепция принадлежит Филиппу Арьесу. В 1975 г. выходит его книга, посвященная динамике развития представлений о смерти в Европе начиная с раннего средневековья и до 70-х гг. XX в. Арьес выделяет пять стадий, которым подверглись представления о смерти: от безбоязненного отношения (раннее Средневековье) через смену форм драматизации (позднее Средневековье и Новое время) к замалчиванию смерти как социокультурного явления (XX век)². С критикой концепции Арьеса выступил Мишель Вовель. По его мнению, выделение стадий представлений о смерти противоречит историческому материалу³.

В отечественной исторической науке исследования, посвящённые отношению людей к переходу в «иной мир», раньше всего получили развитие в трудах этнографов. А.Н. Афанасьев писал, что в языке и мифических сказаниях ночь и тучи принимались за метафорические образы смерти, народные верования представляли смерть также в образе птицы⁴. Ф.И. Буслаев отметил наличие страха и трепета, которые всегда

² Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.

³ Vovelle M. La mort et l'Occident de 1300 a nos jours. Paris, 1983.

⁴ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. М., 1994. С. 527 – 528.

сопровождали образ смерти в фольклоре. При этом смерть являла олицетворение высшей на земле силы и правды, т.к. попущена по земле самим Господом Богом, чтобы водворять нравственное равновесие в житейской неурядице⁵.

Масштабное исследование темы смерти в этнографическом ключе принадлежит Д.К. Зеленину. Исследователь показал, что и в Древней Руси, и в последующие эпохи существовало представление о так называемых «заложных покойниках». Люди, которые сильно нагрешили в земной жизни, или же умершие неестественной смертью (утопленники, убитые молнией, замёрзшие, умершие от отравы и т.п.), в глазах суеверных людей, становились одним из видов нечистой силы⁶. «Иной мир» и связанные с ним обряды перехода успешно исследовались на фольклорном материале В.Я. Проппом⁷. Вклад в изучение народных верований, связанных с переходом в «иной мир», внесла Г.А. Носова. Наряду с выявлением и объяснением большого количества суеверий-признаков «хорошей» и «злой» смерти исследовательница пишет, что «христианскому истолкованию смерти как блага, вестницы покоя и радости противостояло народное представление о ней как о враждебной силе»⁸. Данное противопоставление представляется спорным. Требуется основательное исследование православных представлений о переходе в «иной мир» на материале русской книжной культуры (элитарной культуры).

На материале древнерусской письменности эти представления начали изучаться уже в XIX в, но нельзя сказать, что тема изучена полностью.

До 1980-х гг. в поле зрения исследователей попадали частные вопросы, связанные с отношением к переходу в «иной мир». Н.И. Костомаров отметил, что в средневековой Руси существовал определённый порядок подготовки к смерти. По понятию русских, писал исследователь, умирать

⁵ Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология. М., 2003. С.357 – 358.

⁶ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 39 – 40.

⁷ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000.

⁸ Носова Г.А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М., 1993. С. 65.

среди семейства в полной памяти считалось для человека благодатью небесной. Чувствуя приближение смерти, человек составлял завещание, распределял своё состояние, и вместе с тем назначал для успокоения души какие-нибудь добрые дела (милостыня, прощение долгов, пожертвования на монастыри, освобождение холопов)⁹. Е.Е. Голубинский коснулся вопроса о практике принятия монашеского пострига на смертном одре. В XIII в., по мнению историка, происходит утверждение данного обычая в княжеской среде, а затем и среди мелкой знати¹⁰. С.И. Смирнов в книге «Древнерусский духовник» пишет о том, что в средневековой Руси было такое отношение к таинствам исповеди и причастия, что их нередко откладывали до последней болезни и звали духовника со спасительными священнодействиями, зачастую только при смерти¹¹. В советский период изучаемая тема почти не привлекала внимания исследователей. Исключением является С.Б. Веселовский, который в работе о Синодике опальных царя Ивана Грозного коснулся взглядов царя на то, по каким причинам спасается или погибает душа человека после преставления. Стремление царя способствовать гибели душ «изменников» выливалось в жестокость казней, когда умирающих намеренно лишали последних исповеди и причастия, а затем христианского погребения¹².

С конца 1980-х годов начинается новый этап в изучении темы смерти, связанный с возросшим интересом к русской средневековой культуре. Первой работой в этом ключе являлась статья М.Г. Кротова «Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа (этюд из исторической психологии)». Важнейшим достижением исследователя было выявление на материале древнерусской агиографии представлений о модели хорошей, благой смерти. Основные элементы данной модели таковы: 1) знание о приближении смерти; 2) исповедь и причащение перед смертью; 3)

⁹ Костомаров Н.И. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI – XVII столетиях. М., 2008. С. 219.

¹⁰ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 2. М., 1997. С. 664 - 670.

¹¹ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 319 – 340.

¹² Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 326 – 332.

поучение перед кончиной; 3) лёгкость, благообразность и тихость перехода в иной мир; 4) просветление лица после смерти; 5) нетление тела усопшего¹³. К исследованию модели благой смерти обращался также А.Н. Власов. Он отметил, что в агиографических жанрах разрабатывается канон «идеальной» смерти святого, приравненный к идее эпической бессмертности¹⁴.

Тему модели преставления грешника затрагивает Л.А. Черная. Исследовательница сравнивает содержание «Повести о Темир Аксаке» со структурой житий святых средневековой Руси и приходит к выводу, что Повесть являет своего рода «анти-житие», поскольку в нём традиционные описательные мотивы обращаются в свою противоположность. Это касается также модели преставления¹⁵. В другой работе Л.А. Чёрная на материале русской средневековой культуры выявляет особенности христианского отношения к смерти. Для христианского мировоззрения смерть является переходом души от земной жизни к небесной, смерть – не конец, а начало дальнейшей жизни души. Исследовательница отмечает, что правильное приготовление к смерти – важная составляющая христианского мироощущения, формирующая отношение не только к смертному часу, но и к жизни в целом¹⁶.

Вопрос об отношении к преставлению грешника развивают Т.В. Жданова и Ю.В. Селезнёв. Они исследовали сообщения русских летописей о преставлениях иноземных правителей. Эти летописные сообщения, как выяснилось, существенно отличаются от аналогичных касающихся русских князей, поскольку на русских правителей распространяется канон благой

¹³ Кротов М.Г. Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа (этюд из исторической психологии) // Герменевтика древнерусской литературы. XVI – нач. XVIII вв. Сб. 2. М., 1989. С. 149 – 179

¹⁴ Власов А.Н. Эпизод «преставления» святого как структурный элемент житийного текста (на материале памятников Устюжской литературной традиции) // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994. С. 70.

¹⁵ Черная Л.А. Элементы «анти-жития» в «Повести о Темир Аксаке» // Мир житий. М., 2002. С. 157 – 163.

¹⁶ Чёрная Л.А. «Порог» и «час» смертный в древнерусской культуре // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008. С. 222.

смерти, а на иноземных (иноверных) – нет, что говорит о различии в восприятии летописцами православных и иноверных властителей¹⁷.

Основные факторы, влияющие на восприятие смерти в средневековой Руси, как полагает С.В. Сазонов, – это представления о перспективах индивидуального спасения или гибели после смерти. Восприятие смерти исследователь представляет в виде последовательно сменяющихся стадий. В первые века после принятия христианства существовал своего рода «оптимизм», основанный на принадлежности индивидуума к особой группе избранных, люди не боялись смерти, поскольку были уверены в спасении души. Но со временем, как пишет С.В. Сазонов, представления о смерти изменились: в XV сугубо индивидуалистическая «обеспокоенность» личными грехами приводит к появлению страха смерти как угрозы попадания в ад, вследствие чего получает развитие поминальная практика¹⁸.

Вопрос о влиянии живых на посмертную судьбу умерших поднимает А.А. Булычёв. Отталкиваясь от постулатов работы Д.К. Зеленина о верованиях в «заложных покойников», исследователь пишет, что в XVI веке существовало чёткое представление о том, что люди, умершие неестественной смертью, а также не погребённые по христианскому обычаю, теряют всякую возможность избежать попадания в ад. Этими, в большей степени языческими, чем христианскими, представлениями, по мнению А.А. Булычева, руководствуется царь Иван Грозный, когда преследует «изменников» в годы опричнины¹⁹. Оппонентом этой точки зрения стал К.Ю. Ерусалимский, который выявил противоречия между выводами А.А. Булычева и мыслями, зафиксированными в сочинениях самого Ивана Грозного²⁰. Каждая из точек зрения обоих исследователей

¹⁷ Жданова Т. В., Селезнев Ю. В. Особенности и характер сообщений о смерти иноземных правителей на страницах русских летописей // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2011. № 1 (43). С. 75 – 88.

¹⁸ Сазонов С.В. К проблеме восприятия смерти в средневековой Руси // Русская история: проблемы менталитета. М., 1994. С. 47 – 52.

¹⁹ Булычев А.А. Между святыми и демонами: заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С. 177 – 179.

²⁰ Ерусалимский К.Ю. Между канонизированными и демонизированными: казни Ивана Грозного в культурно-символической интерпретации (размышления над книгой А.А. Булычева) // Одиссей: человек в истории (2009 год). М., 2010. С. 380 – 388.

находит определённую поддержку в источниках XVI в., поэтому вопрос требует дальнейшей проработки.

Т.В. Чумакова пишет, что в средневековой Руси вся жизнь человека воспринималась как процесс приближения к смерти. Готовясь к ней, человек должен был жить должным образом, и быть причастен к Церкви. Страх перед недостижением спасения (спасения как преодоления смерти) был одной из ключевых сил в средневековой жизни Руси. Смысл смерти – онтологический, ведь без неё нет спасения²¹.

М.Р. Майзульс исследовал ряд вопросов, связанных с представлениями в средневековой Руси о смерти в её связи с потусторонним миром. Согласно его выводам, исход души от тела зависел, по представлениям средневековых авторов, от нравственного облика человека. Исследование предложил эволюционную картину представлений о смерти в средневековой Руси от принятия христианства до XVII века²². М.Р. Майзульс и Д.И. Антонов исследовали образ Смерти-персонажа в древнерусской иконографии и миниатюре. Главная черта изображения Смерти – изменчивость, многоликость ужасного²³.

Были написаны работы, в которых на материале древнерусской книжности исследовались представления о посмертных воздушных мытарствах и структуре загробного мира с его разделением на рай и ад (И.В. Дергачёва²⁴, А.В. Пигин²⁵).

Немаловажен вопрос о посмертном увековечении памяти человека в средневековой Руси. Наиболее полная работа, которая освещает складывание поминальной практики на Руси, принадлежит Л.

²¹ Чумакова Т.В. «В человеческом жителстве мнози образы зрятся». Образ человека в культуре Древней Руси. СПб., 2001. С. 187 - 196.

²² Майзульс М.Р. Древнерусский человек перед лицом смерти // Россия XXI. 2006. №5. С. 125 – 126.

²³ Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии семиотика образа. М., 2011. С. 191 – 226.

²⁴ Дергачева И.В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004.

²⁵ Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.

Штайндорфу²⁶. Плодотворная работа также идёт по изучению истории почитания русских святых²⁷.

Т.И. Вендина провела исследование лексических форм, при помощи которых древнерусские книжники сообщали о преставлении того или иного человека. Смерть наиболее часто ассоциируется с концом, завершением, перемещением души от земного мира в иной, к Богу²⁸.

Таким образом, исследование присущих Древней Руси воззрений на переход в «иной мир» традиционно для отечественной историографии и уже принесло ряд важных результатов. Так, было определено онтологическое содержание смерти для духовной культуры средневековой Руси, были выявлены присущие культуре образы смерти и изучена их семантика, показано существование представления о «хорошей» и «злой» смерти и др. В то же время в рассмотренных работах привлекается далеко не весь массив нарративных источников, дающих ценнейшую информацию по интересующей нас теме, а некоторые общие выводы сделаны посредством обращения к весьма ограниченному кругу текстов. Многие вопросы в рамках разбираемой темы лишь намечены и требуют специального изучения (важность и последовательность тех или иных действий при подготовке к преставлению, время начала подготовки к «переходу», эмоциональный аспект отношения к смерти и др.). До сих пор не появилось и обобщающей работы, рассматривающей весь комплекс представлений о смерти в средневековой Руси или хотя бы его ядро - представления об идеальном в перспективе конечного спасения переходе в «мир иной». Всё это делает актуальным исследование по теме, вынесенной в заглавие работы.

Объектом исследования для данной диссертационной работы являются представления книжных людей средневековой Руси XIV - XVI вв. о смерти. В качестве **предмета** исследования выбраны представления людей указанной

²⁶ Steindorff L. Memoria in Altrusland. Stuttgart, 1994.

²⁷ Напр.: Мельник А.Г. История почитания ростовских святых в XII – XVII вв. Дис. канд. ист. наук. Ярославль, 2004.

²⁸ Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. С. 97 - 98.

культурной среды о том, как в идеале должен осуществляться переход в «иной мир». **Основная цель** нашей работы – реконструкция всего комплекса этих представлений в контексте духовной культуры обозначенного периода и решение вопроса об изменчивости или неизменности этого комплекса с течением времени. **Основные исследовательские задачи**, которые ставятся в рамках названной цели: определение границ периода «перехода» в «иной мир», изучение подготовительных действий к переходу в иной мир, выявление и анализ элементов модели благой кончины, изучение вопроса об эмоциональном отношении к смерти.

Научная новизна исследования. Впервые в историографии специально рассматривается идеальная древнерусская модель перехода в «иной мир» - «хорошая смерть». Существенным моментом является то, что для исследования темы впервые был привлечён широкий круг письменных источников.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы для решения научных, педагогических и прикладных целей, при подготовке учебных пособий, а также при исследованиях различных аспектов русской средневековой культуры, истории Церкви, истории повседневной жизни и мировоззрения людей прошедших эпох.

Хронологические рамки определяются следующими соображениями. В XIV в. на всей территории Руси окончательно побеждает христианство,²⁹ происходит усложнение духовной жизни Церкви и христианского общества, возникают новые тенденции в его развитии, всё ощутимей проявляются самобытные черты русской христианской культуры. Тенденции, появившиеся в XIV столетии, затем развиваются в XIV – XVI вв., пока внутренние потрясения в Московском государстве начала XVII не порождают новый этап развития русской культуры. XV – XVI вв. в истории

²⁹ С этого времени на Руси отживают языческие верования, связанные с потусторонним миром, о чём свидетельствуют археологические данные: последние захоронения курганного типа датируются XIII веком (Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси. XI – XVI вв. М., 2004. С. 178.).

России объединены и эсхатологическими ожиданиями, связанными с истечением седьмой тысячи лет от сотворения мира (1492 год). Влияние на культуру эти ожидания стали оказывать задолго до наступления «рокового» года, ещё с XIV в. После 1492 г. эсхатологические ожидания не прекратились, а трансформировались в ожидание конца Света в восьмом тысячелетии³⁰. В связи с этим особенно актуализировался вопрос о личном спасении, и посмертном бытии человека, которое, по представлениям людей той эпохи, не в последнюю очередь зависело от того, какой была кончина человека. Всё сказанное позволяет говорить о XIV – XVI вв., ставших также временем становления Московского государств, как об особом периоде в истории христианской культуры средневековой Руси. Границы этого периода мы и избрали хронологическими рамками нашего исследования.

Методологическая основа исследования. Диссертационное исследование написано с учетом современных методов исторических исследований. В основе исследования лежит принцип историзма. Изучение идеальной концепции перехода в «иной мир» предполагает использование историко-системного подхода. Большое значение для нашего исследования имеет герменевтический подход к выявлению новой информации при анализе источников, подавляющее большинство которых принадлежит к традиционной православной культуре и обнаруживает значительное влияние текстов Священного писания. Поэтому мы придерживаемся двух принципов, намеченных А.М. Ранчиным: 1. религиозная семантика интерпретируемого текста должна быть основной; 2. интерпретация должна основываться на данных текста как целого, а не его отдельного фрагмента³¹. Для полноты и большей достоверности исследовательских выводов нами используются количественно-статистические методы при работе с общими

³⁰ Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Т.5. СПб., 1866. С. 260.; Сперанский М.Н. История древней русской литературы. М., 1921. С.64 – 68.; Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – нач. XVI вв. М.- Л., 1955. С. 318.; Зимин А.А. Россия на рубеже XV – XVI столетий. М., 1982. С. 219 – 221.; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 307 – 355.

³¹ Ранчин А.М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 74.

повествовательными мотивами, содержащимися одновременно в десятках источниках.

Обзор источников. При разработке проблем исследования был использован широкий круг опубликованных и неопубликованных источников.

К *первой* группе – группе нарративных источников – относятся прежде всего жития святых. Русские агиографические произведения являют собой оригинальное течение в восточнохристианской литературной традиции. Практически во всех житиях присутствует рассказ о кончине героя повествования, который трудами, молитвой и подвигами достиг вечной жизни в «ином мире». Рассказ о преставлении, таким образом, показывает идеальный вариант «перехода», образец для подражания. Особенность житий святых заключается в том, что многие из них представлены в нескольких редакциях. Нами были изучены все жития, составленные в намеченный временной отрезок. При использовании редакций в исследовании предпочтение отдавалось тем, которые содержат наибольшее количество информации о преставлении святого и время составления которых не выходит за рамки XIV – XVI вв.

Для нашего исследования особенно важно, что в период с 70-х гг. XV по 60-е годы XVI в. существует особый агиографический жанр пространных повестей о преставлении духовных лиц. Перечислим памятники этого вида: 1. «Рассказ Вассиана Кошки о последних днях и преставлении Тверского епископа Акакия», 2. «Сказание о последних днях жизни Митрополита Макария», 3. «Повесть об изнеможении преподобного Даниила Переяславского», 4. «Рассказ о смерти Пафнутия Боровского», 5. «Надгробное слово Досифея Топоркова в честь Иосифа Волоцкого», 6. «Повесть о преставлении новгородского архиепископа Феодосия». Существенно то, что эти произведения были написаны, как правило, людьми очень близкими к описываемым лицам и ближайшее время после их

кончины. Повести о преставлении отражают многие факты живой действительности.

Жития святых и повести о преставлении составляют основу источниковой базы нашей работы. В общей сложности, перечисленные агиографические памятники содержат 78 рассказов о преставлении святых (автор каждого из памятников писал о герое как о святом, не смотря на отсутствие факта церковной канонизации во множестве случаев). Именно это количество рассказов о преставлении привлекается для статистического анализа на предмет наличия тех или иных мотивов повествования.

Большой интерес в рамках исследуемой темы представляют летописные рассказы о преставлении князей. Такие рассказы в различной степени связаны с агиографическим жанром. Нами были использованы следующие памятники летописания изучаемой эпохи: Воскресенская летопись, Никоновская летопись, Московский летописный свод конца XV в., Симеоновская летопись, Типографская летопись, Летописец Авраамки, Ермолинская летопись, Рогожский летописец, Новгородская четвёртая летопись, Софийская вторая летопись, Владимирский летописец.

Исторические сказания и повести также ценны для нашего исследования, поскольку они дополняют общую картину модели перехода в «иной мир», содержащуюся в нарративных источниках. Особенно следует сказать о «Повести о болезни и смерти Василия III». Этот литературный памятник был написан вскоре после преставления государя в 1533 г. Характерными чертами этого источника является подробное изложение событий последних дней Василия III. Интересны также сказания и повести, в которых отразились устные легендарные предания (Повесть о Петре и Февронии Муромских, Повесть о посаднике Щиле и др.).

Вторую группу источников составляют несколько посланий духовных лиц, затрагивающих тему смерти: «Послание митрополита Ионы новгородскому князю Юрию Семёновичу Лугвениеву, утешительное по случаю кончины супруги его Софии», «Послание митрополита Киприана

игумену Афанасию, ответное на предложенные от него вопросы», «Прощальная грамота митрополита Ионы Новгородскому архиепископу Евфимию, пред кончиною его», «Послания митрополита Фотия в Псков 1416–1427 гг.» и др.

Третью группу источников составляют акты. К ним относятся духовные грамоты. Для нашего исследования эти источники важны, поскольку они писались при прямом участии людей, готовящихся завершить свой земной путь. Из большого количества изученных нами духовных грамот XIV – XVI вв. были наиболее активно используемы в исследовании те, в которых тема смерти развивается особенно ярко («Духовная грамота Кирилла Белозерского», «Духовная грамота преподобного Иосифа Волоцкого», «Завещание Нила Сорского» и др.).

В исследовании также были задействованы некоторые другие источники: канонические постановления Вселенской Церкви, послания русских святителей, в которых отразились те или иные нормы церковного права, постановления Стоглавого собора 1551 года, закрепившего и упорядочившего многие вопросы церковной жизни изучаемого периода времени, Домострой, духовная грамота и исповедь Евфимия Туркова, переводные византийские жития, апокрифы и другие памятники, позволяющие дополнить материал основных источников при изучении отношения к переходу в «иной мир».

Информация, содержащаяся в привлечённых к исследованию источниках, даёт возможность провести разностороннее исследование на тему, выбранную для данной диссертационной работы.

Апробация результатов исследования. Ряд вопросов, исследованных в диссертации, апробирован в подготовленных для публикации статьях, а также в докладах на научном семинаре «Русь средневековая» на кафедре истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и на Международной научной конференции «Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые

чтения памяти академика РАН Л.В. Милова». Диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и рекомендована к защите.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка источников и списка литературы.

Введение содержит обоснование актуальности темы диссертации, формулировку целей и задач исследования, определение хронологических рамок. Оно также включает обзор источников и историографии, характеристику избранных методов исследования, определение его научной новизны и практической значимости.

Глава 1, «**Начало перехода**», посвящена выявлению и характеристике исходной точки подготовки к смерти, момента, когда «переход» начинает осознаваться скорым и неизбежным. В первую очередь нас здесь интересует информация, содержащаяся в самом начале житийных рассказов о преставлении. Выясняется, когда и почему человек, в представлении агиографов, должен закончить дела земные и начать готовиться к переходу в «иной мир». В *первом параграфе* данной главы анализируется представление средневековых авторов о старости как возрастной категории. Делается вывод о том, что возраст старости соотносился, приблизительно, с 60 годами и старше. Агиографы часто показывают картины благодатного изнеможения святого в конце его жизненного пути. Жизнь человека авторы житий сравнивают с лестницей к Богу. Заканчиваться жизнь должна естественным образом, когда пройдены все ступени. Ступени – это труды и прижизненные подвиги, последняя ступень – старость со всеми её лишениями. С другой стороны, для древнерусских книжников характерно уважение и почитание пожилых людей, их мудрости. Символом мудрости в

древнерусской агиографии часто является старческая седина. Смысловым наполнением старости как возрастной категории считалась праведность и особая близость души к спасению. Вместе с тем в отношении древнерусского агиографа к старости можно обнаружить своего рода антиномию: с одной стороны - это последняя, самая скорбная ступень жизни земной, с другой стороны - именно эта ступень наиболее близка к вечной жизни, блаженству. Во *втором параграфе* рассматривается вопрос о прижизненных трудах человека, готовящегося к преставлению. Авторы агиографических произведений считали за необходимость перед тем, как начать рассказ о последней болезни святого, подвести некий итог жизненного пути, последний раз показать, что святой действительно прожил полную трудов, лишений и христианского служения жизнь. *Третий параграф* посвящён представлениям средневековых авторов о последней болезни человека. Последняя болезнь - это последнее прижизненное испытание человека, которое он должен пройти достойно. Она является неотъемлемой частью модели идеального перехода в «иной мир». Болезнь, тем более во время эпидемии, заставляет ещё при жизни заболевшего человека относиться к нему практически как к умершему. При этом существовала трактовка болезни, как следствия греха. Но между болезнью-наказанием-за-грех и болезнью-испытанием праведности есть существенная разница: святой получает болезнь как результат трудов, грешник получает болезнь как наказание за грехи. Болезнь является орудием Божиего промысла, направляющего человека к спасению души, вне зависимости от степени его греховности. В *четвёртом параграфе* говорится о роли сверхъестественного откровения в общей картине преставления праведника. Откровение о приближающейся кончине даётся для того, что бы человек успел закончить свои земные дела и должным образом подготовиться к переходу в «мир иной». Авторы житий создают идеальную картину границы между делами земными и подготовкой к переходу в «иной мир». Характерным сюжетом здесь является Божественное откровение о

приближающейся кончине. Именно Господь указывает предел жизни человека, но это не предопределение, поскольку для того, чтобы стяжать благую кончину человек должен неустанно трудиться, в том числе и в глубокой старости. В контексте неустанных трудов и подвигов само откровение о кончине становится не предопределением, а наградой за хорошо прожитую жизнь и началом вечной жизни. Вся жизнь человека, в представлении древнерусских авторов, должна быть направлена к встрече с Господом. Болезнь для человека средневековой Руси служила предвестницей смерти, поводом для начала активной подготовки к преставлению. В телесном недуге также присутствует Божественный промысел, который позволяет человеку максимально использовать оставшееся время жизни для усилий к спасению души и окончательного отрыва от всего земного. Так или иначе, человек должен знать или почувствовать, когда следует начать подготовку к переходу в «иной мир».

Глава 2 **«Подготовка к переходу»** посвящена представлениям древнерусских книжников о подготовительных действиях в связи с переходом человека в «иной мир». В *первом параграфе* рассматривается участие родственников и близких в действе у смертного одра. Умиравший человек нуждается в определённом присутствии близких людей во время болезни. Такая необходимость может быть вызвана как прагматическими целями (составление духовного завещания), так и необходимостью увидеть близкого человека, проститься, получить духовную поддержку. Первым, кто должен был присутствовать при последнем мгновении жизни человека, являлся его духовный отец. Именно духовник исполняет последние молитвенные напутствия и таинства (исповедь и причастие), закрывает глаза покойнику. Присутствие близких людей у смертного одра было очень важно: следовало проститься с умирающим и выслушать его последние просьбы. Окружение, таким образом, помогало завершить готовящемуся к смерти человеку его земные дела. Если во время последней болезни человек бывает посещаем родными и близкими, то это не значит, что

непосредственно перед самым преставлением у смертного одра могут присутствовать все, кто пожелает. Основной задачей умирающего оставалась подготовка к вечной жизни, поэтому его временные пребывания в одиночестве, без общения с людьми воспринимались как благо, как общение с Господом. При этом было представление о том, что неотступно при изнемогающем человеке должны находиться специальные служители. Судя по всему наиболее распространённой практикой было приставление к больному именно двух служащих. Остальным же, в том числе и близким людям, следовало навещать больного время от времени так, чтобы не утруждать его своим присутствием в столь ответственный момент жизни, когда приближается суд над душой и прилагаются все усилия к покаянному и молитвенному настрою. Поэтому излишняя эмоциональность при проявлении скорбных чувств теми, кто присутствовал рядом с одром умирающего человека, не поощрялась и даже сдерживалась. Во *втором параграфе* исследуются похоронные приготовления, которые начинаются ещё при жизни готовящегося к преставлению человека. Память о грядущем переходе души в «иной мир» понуждала людей средневековой Руси задуматься о посмертной участи земного тела. Подготовка всего необходимого для погребения составляла значительную долю забот самого готовящегося к переходу в «иной мир». Заранее подготавливались могила и гроб. Люди часто хранили у себя одежду, приготовленную специально для погребения. Есть также свидетельства подготовки заранее свеч, которые возжигаются у тела новопреставленного. Приготовления имели, скорее, рекомендательный характер, чем что-то необходимое для успокоения души человека, готовящегося к переходу в «иной мир». Поэтому можно было просто хранить для этих целей определённую сумму денег. Во всяком случае, человек не должен был гнушаться подобными вопросами в течение своей жизни. Стоимость приготовлений зависела от социального статуса. Но при этом всё же было представление, что место и атрибуты погребения не влияют на посмертную судьбу души. *Третий параграф* посвящён

изучению спасительных священнодействий при подготовке к преставлению. Переход в иной мир слишком ответственный момент в процессе спасения человеческой души, чтобы оставить готовящегося к смерти человека без церковного участия. Необходимость исповедаться и причаститься перед смертью была связана с определением посмертной судьбы умирающего человека. Безусловно, важнейшим из таинств было причастие. Согласно древней церковной практике, даже находящийся под епитимьей христианин имел право на причастие перед смертью. Принятие монашеского пострига было очень желаемым перед переходом в «иной мир». Однако его нельзя назвать таким же обязательным священнодействием перед преставлением, как приобщение святых тайн, поскольку оно подразумевало твёрдое решение человека коренным образом измениться духовно. Средневековые авторы акцентируют внимание на случаях, когда монашеский постриг принимается больным не на последнем издыхании, а за несколько дней до преставления, так чтобы человек прожил некоторое время в монашестве. Единственное спасение для умирающего заключается только в истинном раскаянии, и сам факт монашеского пострига закрепляет это душевное состояние человека и освящает Божественной благодатью, является свидетельством качественного преобразования души. Практика принимать монашеский постриг перед смертью хоть и имела широкое бытование, но всё же далеко не являлась всеобщей и обязательной. Важным моментом было активное участие самого умирающего человека в таинствах, когда он ещё мог самостоятельно читать молитвенные последования. Причащаться перед смертью следовало не единожды. Однако спасительная сила причастия действовала даже там, где умирающий человек уже не мог распоряжаться своим телом. В конце главы делается вывод о том, что у одра умирающего человека, по представлениям средневековых авторов, должно разворачиваться действие, в котором принимали активное участие все присутствующие. Главным

действующим лицом был сам умирающий человек, действия остальных людей были направлены на соучастие в его последнем деле земной жизни.

Глава 3, **«Время перехода»**, посвящена отношению древнерусских авторов к вопросу о времени самого момента перехода в «иной мир». Предпринимается попытка выяснить, было ли в средневековой Руси у людей представление об идеальном, наиболее подходящем времени для встречи с Господом. Изображение конца жизни человека в древнерусских рассказах о преставлении включает различные формы изображения времени преставления, по которым можно судить об отношении средневековых авторов к смерти. Преставление в светлое время суток и на утрени, доминирующее в агиографических рассказах, скорее всего, являлось знаком к спасению души новопреставленного. Причиной тому, вероятно, является символика света как знака Божественного присутствия. В то же время ночь и тьма в древнерусской письменной культуре ассоциируются с отсутствием благодати, грехом и богооставленностью. В тех нескольких случаях, когда говорится о ночи или вечере, как времени кончины святого, точные указания на суточное или богослужebное время перекрываются указанием на молитву, и даже, на точное изложение слов молитвенного последования. Агиографы, очевидно, не стремились акцентировать внимание читателя на том, что святой преставился в тёмное время суток, и пытаются найти утешительные мотивы в указаниях на молитвенное правило. Кончина на отпусе, на вечерней или утренней службе, подразумевающая молитвенное бодрствование святого, показывает подчинение жизни человека воли Господа, что, безусловно, свидетельствует о его праведности. Соответственно, смерть ночью во время сна должна была рассматриваться как наиболее тягостная и требующая активной молитвы со стороны близких о спасении души новопреставленного.

Глава 4 **«Эмоциональный аспект отношения к переходу в иной мир»** посвящена тому, с какими чувствами, по представлениям древнерусских авторов, следовало относиться к переходу в «иной мир». В

первом параграфе анализируется восприятие смерти как неизбежного факта для самого готовящегося к преставлению человека. В рассказах о преставлении святых можно обнаружить два мотива, которые характеризуют эмоциональное состояние героя повествования. Реже встречается мотив радости в связи с желанием скорейшей встречи с Господом. Тем не менее, мотив радости святого перед кончиной представлен в наших источниках достаточно скромно, что говорит о гораздо большей актуальности скорби в связи с кончиной человека. Способы изображения скорби героя повествования в разных житиях могут отличаться по силе выражаемого чувства. Более сдержанным, средством изображения скорби являются слёзы святого во время молитвы или последней беседы с близкими людьми. Другим, более экспрессивным, способом изображения скорби являются слова самого героя повествования, которые часто являют собой различные вариации цитат из Священного писания. Достаточно часто встречается в древнерусской литературе сцена скорби при прощании и расставании с близкими людьми перед смертью. В древнерусских литературных произведениях достаточно часто можно встретить мотив страха перед посмертными мытарствами или адскими муками, когда человеку придётся встретиться с ужасными демонами. Отсутствие трепета перед смертью, по представлениям древнерусских агиографов, является грехом, в котором следует каяться. Страх смерти имеет спасительную для души силу. Образ самой смерти в русской средневековой литературе представлен достаточно скупой, но, несмотря на это, достаточно колоритно. Если появляется персонифицированная смерть, то выглядит она очень страшно. Выясняется, что страх смерти для древнерусского человека вполне естественен и даже необходим в силу Церковного учения о его спасительной силе от грехов. Страшные образы посмертного воздаяния также весьма существенны. В то же время страх смерти имеет и вполне «земные» основания, среди которых горечь расставания с близкими, потеря жизненных сил и красоты. Людей пугает

своими страшными образами смерть как таковая, а не только ожидание вечных мук. *Второй параграф* посвящён анализу отношения средневековых авторов к тому, как следует относиться к смерти окружающих людей. В рассмотренных рассказах о преставлении скорбью по поводу смерти близких наделяются все: герой повествования, родственники, друзья и вообще все присутствующие люди. При этом изображения причин скорби самые разные. Сам момент преставления, несущий осознание необратимости случившегося, является наиболее скорбным. Рассмотренные агиографические и летописные рассказы о преставлениях также демонстрируют очень трепетное отношение русских средневековых авторов к проблеме смерти, явно выраженное отрицательное отношение к такому смежному со смертью явлению как жестокость. В конце главы делается общий вывод об отношении к смерти как к ярко негативному явлению действительности, даже при наличии позитивных установок на возможность спасения души.

Заключение подводит итоги работы, здесь делаются обобщающие выводы. В духовной культуре средневековой Руси существовало представление о целостной системе подготовки к переходу в «иной мир». Отголоски смерти для человека той поры присутствовали уже в болезни и побуждали к действиям. В болезни, как считалось, присутствует Божественный промысел, который позволяет человеку максимально использовать оставшееся время жизни для усилий к спасению души и окончательного отказа от всего земного. Мысль о неизбежности конца была очевидна и требовала постоянной готовности предстать перед Богом. Но при этом сам процесс умирания представлялся не единым моментом, а процессом, зачастую достаточно длительным, сопровождаемым физическим изнеможением и болезнями, одна из которых должна была стать последней. Со временем подготовка к переходу в «иной мир» становилась всё интенсивней. Исполняя все надлежащие действия, человек медленно смирялся с неизбежностью кончины, укреплялся духовно.

Отражённый в источниках комплекс установок в отношении к смерти говорит о сложности и многогранности мировоззрения людей средневековой Руси, высоком уровне их нравственной и эмоциональной культуры.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

- 1. *Время суток в описаниях преставлений русских святых XIV – XVI вв. // Вестник ПСТГУ Серия: История. 2012. № 1 С. 7 – 16.***
- 2. *Восприятие старости древнерусскими агиографами XIV - XVI вв. // Вестник МГУ им. М.В. Ломоносова. Серия: История. 2012. № 2 (44).С. 3 – 14.***
- 3. Оригинальные черты в традиционных мотивах «жития» Феодосия архиепископа Новгородского // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова, материалы международной конференции. М., 17 – 19 ноября 2011 г. М., 2011. С. 70 – 73.**